

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-9-16>

УДК 332

Attribution

cc by

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРИОРИТЕТОВ КРУПНЕЙШИХ
ЕВРОПЕЙСКИХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ В 2022–2026 ГОДАХ:
BP, SHELL, TOTALENERGIES И EQUINOR

Тахтамышев В.Г.¹, Томазов М.А.²

Ростовский государственный университет путей сообщения¹,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова²

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу изменений инвестиционных приоритетов BP, Shell, TotalEnergies и Equinor в 2022–2026 гг. Авторы исследования исходят из того, что энергетический кризис и изменение геополитических условий не отменили долгосрочные цели декарбонизации, но заметно изменили структуру корпоративного распределения капитала. На основе анализа годовых отчетов, стратегических документов и материалов для инвесторов сопоставляются динамика капитальных расходов, инвестиции в нефтегазовый бизнес и LNG, низкоуглеродные направления, производственные ориентиры и климатические цели четырех компаний. Показано, что усиление нефтегазового компонента носит неоднородный характер: от наиболее выраженной стратегической реориентации BP до сбалансированной мультиэнергетической модели TotalEnergies. Shell демонстрирует селективную концентрацию на наиболее доходных сегментах переходной энергетики, прежде всего LNG, тогда как Equinor корректирует первоначальные амбиции в отношении возобновляемой энергетики, сохраняя power business. В завершение исследования сделан вывод о том, что после 2022 г. речь идет не о полном отказе от энергетического перехода, а о перенастройке инвестиционного баланса под воздействием энергетической безопасности, требований к доходности и капиталовой дисциплине.

Ключевые слова: энергетический переход, декарбонизация, инвестиционная политика, нефтегазовые компании, BP, Shell, TotalEnergies, Equinor, LNG, энергетическая безопасность, капиталовая дисциплина.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

THE TRANSFORMATION OF INVESTMENT PRIORITIES OF THE LARGEST EUROPEAN ENERGY
COMPANIES IN 2022–2026: BP, SHELL, TOTALENERGIES AND EQUINOR

Vladimir G. Takhtamyshev¹, Mikhail A. Tomazov²

Rostov State Transport University¹,

Lomonosov Moscow State University²

Abstract. The article examines changes in the investment priorities of BP, Shell, TotalEnergies and Equinor in 2022–2026. The study proceeds from the assumption that the energy crisis and changing geopolitical conditions did not eliminate long-term decarbonization goals but substantially altered corporate capital allocation. Using annual reports, strategic documents and investor materials, the paper compares capital expenditure, oil and gas and LNG investment, low-carbon spending, production targets and climate commitments. The findings indicate that the strengthening of the hydrocarbon component followed different paths: from the most pronounced strategic reorientation at BP to the balanced multi-energy model of TotalEnergies. Shell pursued a selective concentration on the most commercially attractive segments, especially LNG, while Equinor revised its renewable ambitions and retained power as a strategic business. The article concludes that post-2022 changes are better described as a rebalancing of investment priorities than as a complete retreat from the energy transition, driven by energy security, returns and capital discipline.

Keywords: energy transition, decarbonization, investment policy, oil and gas companies, BP, Shell, TotalEnergies, Equinor, LNG, energy security, capital discipline.

Funding: Independent work.

Введение.

Современная мировая энергетическая система развивается под воздействием нескольких взаимосвязанных процессов: декарбонизации, технологических изменений, трансформации структуры спроса на энергоресурсы, геополитической конкуренции и повышения требований к энергетической безопасности. Для крупнейших европейских энергетических компаний

это означает необходимость одновременно обеспечивать надежность поставок, поддерживать финансовую устойчивость и адаптировать бизнес-модели к долгосрочному энергетическому переходу. После 2022 г. данное противоречие стало особенно заметным: рост цен на энергоресурсы и усиление значения энергетической безопасности повысили привлекательность

нефтегазовых активов, тогда как развитие низкоуглеродной энергетики потребовало более избирательного подхода к капиталовложениям.

Проблема заключается в том, что усиление нефтегазового направления не обязательно означает отказ от декарбонизации. Для оценки характера происходящих изменений недостаточно сопоставлять публичные климатические заявления компаний. Необходимо анализировать фактическое и планируемое распределение капитала, производственные ориентиры и структуру новых проектов. Исследования, проведенные IEA, IRENA и в современной академической литературе, показывают, что международные нефтегазовые компании не выработали единой модели ответа на энергетический переход: их стратегии зависят от структуры бизнеса, финансового положения, ресурсной базы, географии и оценки рисков [29–32; 34; 38–39; 41–42].

В связи с этим, основной исследовательский вопрос нами сформулирован следующим образом: Каким образом изменились инвестиционные приоритеты BP, Shell, TotalEnergies и Equinor в 2022–2026 гг. под воздействием трансформации мировой энергетической и геополитической среды?

Дополнительный вопрос состоит в том: Следует ли интерпретировать усиление нефтегазового направления как отказ от ранее заявленного курса на декарбонизацию или как его адаптацию к изменившимся условиям энергетической безопасности, рыночной конъюнктуры и требований к доходности?

Цель исследования заключается в выявлении основных направлений трансформации инвестиционных приоритетов четырех компаний, определении факторов, обусловивших изменение распределения капитала, и установлении общих и специфических моделей корпоративной адаптации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть теоретические подходы к инвестиционному поведению энергетических компаний;
- проследить динамику стратегий BP, Shell, TotalEnergies и Equinor;
- сопоставить их инвестиционные и производственные показатели; определить экономические, рыночные и геополитические факторы выявленных изменений.

Обсуждение. Результаты.

Энергетический переход представляет собой структурное изменение мировой энергетической системы, связанное со снижением углеродной интенсивности производства и потребления энергии, развитием возобновляемых источников, электрификацией конечного спроса и распространением технологий сокращения выбросов. Для международных нефтегазовых компаний этот процесс означает не только изменение технологической базы, но и необходимость пересмотра инвестиционных моделей и структуры активов. Нефтегазовый бизнес остается источником значительных де-

нежных потоков, одновременно подвергаясь долгосрочному давлению со стороны климатической политики [29–32].

В научной литературе не существует единой стратегии участия нефтегазовых компаний в энергетическом переходе. Их возможные варианты включают диверсификацию, сохранение специализации, развитие новых энергетических направлений и различные комбинации этих подходов. В частности, IEA отмечает, что масштаб и характер трансформации зависят от структуры бизнеса, финансового положения, географии и ресурсной базы конкретной компании [29]. Поэтому энергетический переход целесообразно рассматривать не как последовательное вытеснение нефти и газа, а как изменение условий долгосрочного распределения корпоративного капитала. [40–42].

Под инвестиционными приоритетами в настоящей статье понимается распределение корпоративного капитала между направлениями, имеющими различное стратегическое значение. Для их оценки необходимо учитывать, как минимум, три уровня.

Первый — общий объем капитальных расходов.

Второй — структура CAPEX и соотношение нефтегазовых и низкоуглеродных инвестиций.

Третий — производственные и портфельные результаты, включая добычу нефти и газа, развитие LNG, установленную мощность и другие измеримые показатели будущего бизнеса.

Сам по себе рост или снижение общего CAPEX еще не свидетельствует о смене стратегического курса. Более информативным является изменение относительного веса отдельных направлений. Такой подход важен и потому, что между публичными климатическими обязательствами и фактическим распределением капитала может существовать временной разрыв. Alova отмечает несоответствие между масштабом декларируемого энергетического перехода и фактическими вложениями крупнейших нефтегазовых компаний в возобновляемую энергетику [36]. Halttunen, Slade и Staffell, в свою очередь, показывают, что выбор между диверсификацией и сохранением специализации определяется не только климатическими целями, но и скоростью изменения энергетических рынков и способностью компаний управлять рисками [34].

После 2022 г. инвестиционная логика европейских энергетических компаний стала сильнее зависеть от энергетической безопасности. План REPowerEU одновременно закрепил снижение зависимости от ископаемого топлива, диверсификацию поставок и ускорение развития чистой энергетики [33]. Для компаний это означало неоднозначную оценку традиционных активов: нефть, газ и LNG стали не только источниками коммерческой выручки, но и элементами устойчивости европейского энергоснабжения. В этих условиях инвестиционные решения определяются также требованиями к капиталовой дисциплине и созданию стоимости для акционеров. Для публичных компаний зна-

чимы свободный денежный поток, дивиденды, обратный выкуп акций, рентабельность инвестированного капитала и сроки окупаемости проектов. Если нефтегазовый проект обеспечивает более прогнозируемый денежный поток, чем капиталоемкий низкоуглеродный проект с неопределенной доходностью, структура CAPEX может измениться даже при сохранении долгосрочной климатической цели.

Таким образом, усиление нефтегазового компонента не обязательно свидетельствует об изменении отношения к декарбонизации; оно может отражать изменение сравнительной экономической привлекательности активов.

Для сравнительного анализа целесообразно рассматривать происходящие изменения как процесс портфельной оптимизации. Под ним понимается изменение соотношения энергетических активов с учетом одновременно энергетической безопасности, ожидаемого спроса, доходности, климатического регулирования, стоимости капитала и долгосрочных рисков.

В таком случае можно различить четыре модели:

- стратегический отказ от декарбонизации;
- временную корректировку при сохранении долгосрочных переходных целей;
- селективную декарбонизацию, предполагающую концентрацию на наиболее рентабельных технологиях;
- сбалансированную мультиэнергетическую модель.

Такой подход позволяет избежать чрезмерно упрощенного вывода о «возврате к углеводородам». IEA подчеркивает отсутствие универсальной стратегии для нефтегазовой отрасли, а исследования Halttunen, Slade и Staffell и других авторов показывают различия в корпоративных траекториях [28–30; 34; 35; 37; 39–40]. В дальнейшем, это дает возможность сопоставить BP, Shell, TotalEnergies и Equinor не по единственному признаку, а по структуре капитала, производственным планам, LNG, low-carbon-инвестициям и изменению климатических целей.

Изменение инвестиционных стратегий четырех компаний происходило неравномерно. Общими тенденциями стали усиление требований к финансовой эффективности, сохранение значительной роли нефтегазового бизнеса, повышение значения LNG и более селективное отношение к низкоуглеродным инвестициям. Вместе с тем, масштабы корректировки существенно различаются.

В начале указанного периода времени BP сочетала нефтегазовый бизнес с развитием transition growth engines, включая возобновляемую энергетику, bioenergy, EV charging и hydrogen [1; 2; 4]. В 2022 г. компания направила около 4,9 млрд. долл. на transition growth engines при совокупном CAPEX около 16,3 млрд. долл., то есть примерно 30% капитальных расходов [1; 2; 4]. В феврале 2023 г. BP сохранила двойственную модель и повысила общий диапазон капиталовложений до 14–18 млрд. долл. в год, одновременно

увеличив ориентиры для переходных и нефтегазовых проектов [4].

В 2023 г. transition investment снизился примерно до 3,8 млрд. долл. или около 23% общего CAPEX, а в 2024 г. составил около 3,7 млрд. долл. [2; 3; 5]. Перелом произошел в 2025 г., когда BP объявила о strategic reset: общий инвестиционный диапазон был снижен примерно до 13–15 млрд. долл. в год, нефтегазовые инвестиции увеличены до около 10 млрд. долл. ежегодно в 2025–2027 гг., а расходы на transition businesses сокращены до 1,5–2 млрд. долл. в год [6].

Корректировке подверглись и производственные ориентиры. В 2022 г. BP ожидала добычу около 2,0 млн. барр. н.э. в сутки к 2030 г.; после пересмотра стратегия предусматривает примерно 2,3–2,5 млн. барр. н.э. в сутки без учета возможных будущих дивестиций [3; 5; 6]. Следовательно, BP является наиболее выраженным примером стратегической реориентации: нефтегазовые активы вновь стали центральным объектом капиталовложений, тогда как переходные направления сохраняются, но отбираются более жестко по критерию экономической отдачи.

В 2022–2023 гг. Shell сохраняла значительные вложения в low-carbon energy solutions: около 4,3 млрд. долл. в 2022 г. и 5,6 млрд. долл. в 2023 г., или более 20% cash CAPEX [7–9]. Одновременно Integrated Gas и Upstream оставались основными источниками денежных потоков. В Energy Transition Strategy 2024 компания сохраняла ориентир инвестировать 10–15 млрд. долл. в low-carbon energy solutions в 2023–2025 гг. [11].

В 2025 г. Shell перешла к более жесткой конфигурации капитальной дисциплины. Общий уровень расходов был установлен в диапазоне 20–22 млрд. долл. в год на 2025–2028 гг.; 12–14 млрд. долл. предусматривалось ежегодно на Integrated Gas и Upstream и около 8 млрд. долл. — на Downstream и Renewables & Energy Solutions [12]. Одновременно компания поставила задачу увеличивать продажи LNG на 4–5% в год до 2030 г. и сохранять производство жидких углеводородов на уровне около 1,4 млн. барр. в сутки [9–12].

Shell при этом сохраняет цель net zero energy business к 2050 г. и продолжает низкоуглеродные проекты, но относительная роль этих вложений стала более селективной. В 2025 г. low-carbon platforms должны занимать до 10% капитала, тогда как фактический cash CAPEX составил около 20,9 млрд. долл., из которых около 2 млрд. долл. пришлось на low-carbon energy solutions [9–12]. Поэтому Shell целесообразно характеризовать как пример селективной концентрации: переходная стратегия сохраняется, но капитал направляется, прежде всего, в сегменты, в которых компания видит устойчивую доходность и конкурентные преимущества.

TotalEnergies с начала рассматриваемого периода времени последовательно развивала двухконтурную стратегию, основанную на Oil & Gas, прежде всего LNG, и Integrated Power [13–18]. В 2023 г. компания ориентировалась на рост нефтегазовой добычи примерно на 2–3% в год и планировала около 4 млрд. долл. ежегодных инвестиций в Power [16]. В 2024 г. роль

LNG была усилена, а рост Oil & Gas production сохранился на уровне около 3% в год [14; 17].

В 2025 г. TotalEnergies усилила капиталовую дисциплину: компания объявила программу экономии на 7,5 млрд. долл. в 2026–2030 гг., снизила ориентир net CAPEX примерно до 16 млрд. долл. в 2026 г. и до 15–17 млрд. долл. в 2027–2030 гг. При этом был сохранен нефтегазовый рост примерно на 3% в год и уровень low-carbon-инвестиций около 4 млрд. долл. ежегодно, включая 3–4 млрд. долл. на Integrated Power [15; 18].

Таким образом, TotalEnergies не демонстрирует ни резкой реориентации в пользу углеводородов, ни отказ от энергетического перехода. Oil & Gas обеспечивает денежные потоки и рост, прежде всего, через LNG, тогда как Integrated Power формирует долгосрочную платформу в электроэнергетике и возобновляемых источниках. Ее стратегия представляет собой сбалансированную мультиэнергетическую модель, в которой переход трактуется как диверсификация, а не как последовательное вытеснение нефтегазового бизнеса.

Equinor в 2022 г. ориентировалась на то, чтобы более 30% annual gross CAPEX приходилось на renewables and low-carbon solutions к 2025 г. и более 50% — к 2030 г.; фактическая доля таких инвестиций составляла около 14% в 2022 г. и 20% в 2023 г. [19–20; 22]. Однако в 2024 г. компания повысила прогноз роста нефтегазовой добычи более чем на 10% в 2024–2027 гг. и сократила планируемые инвестиции в renewables and low-carbon solutions [21–24]. Целевая мощность renewables на 2030 г. была снижена до 10–12 ГВт, а прежний количественный ориентир по доле gross CAPEX в переходных направлениях в Energy Transition Plan 2025 больше не использовался [23].

При этом Equinor не отказалась от энергетического перехода. В 2025 г. добыча нефти и газа достигла 2,137 млн. барр. н.э. в сутки, а инвестиции в нефтегазовый бизнес сохранялись примерно на уровне 10 млрд. долл. ежегодно [22–23]. В 2026 г. компания закрепила ориентир органических инвестиций 11–13 млрд. долл. ежегодно в 2028–2030 гг., из которых около 60% должны направляться на Норвежский континентальный шельф, около 30% — на международные нефтегазовые проекты и около 10% — на power [25].

Таким образом, Equinor представляет модель прагматической коррекции: нефтегазовое направление вновь стало финансовым ядром, но power business сохраняется как отдельная стратегическая платформа.

Сопоставление четырех компаний позволяет выделить различия в масштабе и характере трансформации:

BP наиболее существенно пересмотрела первоначальную траекторию: нефтегазовые инвестиции были повышены, а переходные расходы сокращены.

Shell усилила LNG и upstream, одновременно сохранив низкоуглеродные направления, но на более селективной основе.

TotalEnergies наиболее последовательно поддерживает две платформы — Oil & Gas и Integrated Power.

Equinor сократила количественные амбиции в отношении renewables и одновременно повысила нефтегазовые ориентиры. Тем самым, единая европейская институциональная среда не привела к единой инвестиционной модели.

Главная общая тенденция 2022–2026 гг. состоит в усилении относительной роли нефтегазового бизнеса. Но эта тенденция реализуется разными способами:

BP увеличила нефтегазовый CAPEX при резком снижении transition investments.

Shell усилила Integrated Gas и Upstream при одновременном сокращении относительного веса low-carbon.

TotalEnergies сохраняет значительные вложения и в Oil & Gas, и в Integrated Power.

Equinor уменьшила первоначальные ориентиры renewable-инвестиций, сохранив около 10 млрд. долл. ежегодного нефтегазового CAPEX [5–6; 9–10; 13–15; 18; 22–25].

Таким образом, важен не только абсолютный объем расходов, но и изменение относительного веса сегментов. В каждой из четырех компаний нефть и газ вновь выполняют функцию финансового ядра или одного из главных источников денежных потоков. Одновременно низкоуглеродные направления переходят от стратегии широкого масштабирования к более адресному отбору проектов.

LNG занимает особое место в новой конфигурации. Для Shell и TotalEnergies он стал одним из основных источников роста. Для BP и Equinor газовый сегмент также сохраняет стратегическое значение. После 2022 г. LNG сочетает коммерческую привлекательность с функцией обеспечения устойчивости энергетического снабжения. Поэтому его развитие нельзя автоматически интерпретировать как возврат к прежней углеводородной модели: для европейских компаний LNG одновременно связан с текущей энергетической безопасностью и с переходом к более гибкой структуре поставок.

Изменение производственных целей подтверждает, что корректировка не ограничилась языком корпоративных стратегий. Наиболее наглядно это проявилось у BP и Equinor, которые повысили будущие нефтегазовые ориентиры по сравнению с первоначальными траекториями. Shell поставила задачу поддерживать производство жидких углеводородов на уровне около 1,4 млн. барр. в сутки и наращивать продажи LNG, тогда как TotalEnergies сохранила ориентир роста Oil & Gas production примерно на 3% в год до 2030 г. [6; 10; 18; 22; 25].

При изменении инвестиционного баланса компании в целом сохранили долгосрочные климатические обязательства. Это особенно важно для интерпретации полученных результатов: изменение CAPEX и изменение климатических целей не являются тождественными процессами. BP после 2025 г. продолжает отдельные low-carbon-направления; Shell сохраняет net-zero ambition; TotalEnergies продолжает развивать Integrated Power; Equinor сохраняет power business и

климатическую рамку энергетического перехода [5–6; 9–10; 12; 15; 18; 22–23].

Следовательно, публичная декарбонизационная стратегия и фактическая структура инвестиций могут двигаться с разной скоростью.

Сопоставление четырех компаний позволяет выделить пять взаимосвязанных факторов трансформации.

Первый — высокая прибыльность нефтегазового бизнеса после 2022 г., повысившая инвестиционную привлекательность upstream [26].

Второй — энергетическая безопасность и необходимость надежных поставок нефти, газа и LNG [33].

Третий — различия в экономике низкоуглеродных проектов: продолжительность инвестиционного цикла, стоимость капитала и неопределенность доходности.

Четвертый — требования акционеров к free cash flow, дивидендам и buyback.

Пятый — неодинаковая конкурентоспособность отдельных переходных технологий.

Совокупность этих факторов изменила саму логику корпоративного энергетического перехода. В начале рассматриваемого периода времени рост low-carbon-портфеля часто рассматривался как самостоятельный двигатель будущего бизнеса. После 2022 г. крупные компании стали в большей степени оценивать каждое направление через ожидаемую доходность, зрелость технологии и способность формировать устойчивый денежный поток. Это особенно заметно в BP и Shell, но в различных формах проявляется и у TotalEnergies и Equinor.

Проведенный анализ позволяет предложить четыре модели корпоративной адаптации:

BP соответствует модели стратегической реориентации: перераспределение капитала в пользу нефтегазового бизнеса стало существенным и затронуло архитектуру стратегии.

Shell представляет селективную концентрацию: компания сохраняет энергетический переход, но концентрируется на LNG, upstream и наиболее рентабельных low-carbon-направлениях.

TotalEnergies демонстрирует сбалансированную мультиэнергетическую модель, в которой Oil & Gas и Integrated Power развиваются параллельно.

Equinor соответствует модели прагматической коррекции, предполагающей сокращение первоначальных количественных амбиций по renewables при сохранении power business и климатических целей.

Таким образом, во всех четырех случаях нефтегазовый бизнес получил повышенное относительное значение либо темпы масштабирования low-carbon-инвестиций были снижены. Вместе с тем, ни одна из компаний не перешла к стратегии полного отказа от энергетического перехода.

Следовательно, процесс корректнее определять, как перенастройку инвестиционного баланса, а не как простой «возврат к углеводородам».

С международно-политической точки зрения эта перенастройка означает, что энергетический переход европейских корпораций после 2022 г. теснее связан с энергетической безопасностью, геоэкономической конкуренцией, устойчивостью поставок и стоимостью капитала. Сопоставление BP, Shell, TotalEnergies и Equinor показывает, что единая внешняя среда может приводить к различным корпоративным решениям в зависимости от структуры активов, финансовой модели и технологической специализации.

Заключение.

Проведенное исследование показывает, что в 2022–2026 гг. крупнейшие европейские энергетические компании действительно скорректировали инвестиционные приоритеты, однако, этот процесс не сводится к синхронному отказу от декарбонизации. Общей тенденцией стало повышение относительного значения нефтегазового бизнеса как источника денежных потоков и элемента энергетической безопасности, одновременно с переходом низкоуглеродных инвестиций к более селективной модели.

Наиболее выраженная трансформация произошла в BP, где стратегический пересмотр 2025 г. привел к заметному увеличению нефтегазового CAPEX и снижению масштабов transition investments [3; 5; 6]. Shell усилила LNG и upstream, сохранив климатические цели и отдельные низкоуглеродные направления [9–12]. TotalEnergies продолжила развивать Oil & Gas и Integrated Power как две взаимодополняющие платформы [13–18]. Equinor пересмотрела первоначальные количественные амбиции в отношении renewables and low-carbon, но сохранила power business и долгосрочную рамку энергетического перехода [21–25].

Основным результатом проведенного исследования является вывод о неоднородности корпоративной адаптации. В рассматриваемом периоде времени сформировались, по меньшей мере, четыре модели: стратегическая реориентация BP, селективная концентрация Shell, сбалансированная мультиэнергетическая модель TotalEnergies и прагматическая коррекция Equinor.

Следовательно, определение периода 2022–2026 гг. как «возврата к углеводородам» является методологически недостаточным. Более точным представляется понятие перенастройки инвестиционного баланса, при которой нефтегазовый бизнес сохраняет центральное значение для финансовой устойчивости и энергетической безопасности, а низкоуглеродные направления продолжают развиваться при более жестком отборе по критериям доходности и стратегической целесообразности [37; 40–42].

Полученный результат имеет значение и для анализа европейской энергетической политики. Дальнейшая динамика корпоративной декарбонизации будет зависеть не только от климатического регулирования, но и от состояния мировых рынков, спроса на нефть, газ и LNG, стоимости капитала, конкурентоспособности низкоуглеродных технологий и изменения

требований энергетической безопасности. Это означает, что энергетический переход крупнейших европейских компаний следует рассматривать как нелиней-

ный процесс, в котором климатические цели взаимодействуют с коммерческими и геополитическими ограничениями.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. bp. Annual Report and Form 20-F 2022. London: BP p.l.c., 2023.
2. 3.bp. Annual Report and Form 20-F 2023. London: BP p.l.c., 2024.
3. bp. Update on strategic progress. 7 February 2023. London: BP p.l.c., 2023.
4. bp. 2025 Annual General Meeting: Chair's address. London: BP p.l.c., 2025.
5. bp. Strategic reset: Capital Markets materials. London: BP p.l.c., 2025.
6. Shell plc. Annual Report and Accounts 2022. London: Shell plc, 2023.
7. Shell plc. Annual Report and Accounts 2023. London: Shell plc, 2024.
8. Shell plc. Annual Report and Accounts 2024. London: Shell plc, 2025.
9. Shell plc. Annual Report and Accounts 2025. London: Shell plc, 2026.
10. Shell plc. Energy Transition Strategy 2024. London: Shell plc, 2024.
11. Shell plc. Capital Markets Day 2025: Our journey to 2030. London: Shell plc, 2025.
12. TotalEnergies SE. Universal Registration Document 2023, including Annual Financial Report. Paris: TotalEnergies, 2024.
13. TotalEnergies SE. Universal Registration Document 2024, including Annual Financial Report. Paris: TotalEnergies, 2025.
14. TotalEnergies SE. Universal Registration Document 2025, including Annual Financial Report. Paris: TotalEnergies, 2026.
15. TotalEnergies SE. Strategy & Outlook 2023. Paris: TotalEnergies, 2023.
16. TotalEnergies SE. Strategy & Outlook 2024. Paris: TotalEnergies, 2024.
17. TotalEnergies SE. Strategy & Outlook 2025. Paris: TotalEnergies, 2025.
18. Equinor ASA. Annual Report 2022. Stavanger: Equinor ASA, 2023.
19. Equinor ASA. Annual Report 2023. Stavanger: Equinor ASA, 2024.
20. Equinor ASA. Annual Report 2024. Stavanger: Equinor ASA, 2025.
21. Equinor ASA. Annual Report 2025. Stavanger: Equinor ASA, 2026.
22. Equinor ASA. Energy Transition Plan 2025. Stavanger: Equinor ASA, 2025.
23. Equinor ASA. Capital Markets Updates 2022-2025. Stavanger: Equinor ASA, 2022-2025.
24. Equinor ASA. Capital Markets Day 2026. Stavanger: Equinor ASA, 16 June 2026.
25. International Energy Agency. World Energy Investment 2025. Paris: IEA, 2025.
26. International Energy Agency. World Energy Outlook 2025. Paris: IEA, 2025.
27. International Energy Agency. The Oil and Gas Industry in Net Zero Transitions. Paris: IEA, 2023.
28. International Energy Agency. Emissions from Oil and Gas Operations in Net Zero Transitions. Paris: IEA, 2023.
29. International Renewable Energy Agency. Oil Companies and the Energy Transition / Asmelash E., Gorini R. Abu Dhabi: IRENA, 2021.
30. International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook 2024: 1.5°C Pathway. Abu Dhabi: IRENA, 2024.
31. European Commission. REPowerEU Plan. COM(2022) 230 final. Brussels, 18 May 2022.
32. Halttunen K., Slade R., Staffell I. Diversify or die: Strategy options for oil majors in the sustainable energy transition // Energy Research & Social Science. 2023. Vol. 104. Art. 103253. DOI: 10.1016/j.erss.2023.103253 EDN: LKABGX
33. Big oil and the energy transition: Evidence from M&A // Energy Policy. 2023. Vol. 183. Art. 113762. DOI: 10.1016/j.enpol.2023.113762 EDN: WUZUQD
34. Alova G. Oil majors' slow transition // Nature Energy. 2022. Vol. 7. P. 472-473. DOI: 10.1038/s41560-022-01032-7 EDN: TEXUKY
35. From the geopolitics of oil and gas to the geopolitics of the energy transition: Is there a role for European supermajors? // Energy Research & Social Science. 2022. Vol. 88. Art. 102634. DOI: 10.1016/j.erss.2022.102634 EDN: OUQHIA
36. International oil companies, petrocultures and the transatlantic divide: A review of engagement with the energy transition and the future of oil and gas // Energy Research & Social Science. 2026. Vol. 135. Art. 104668. DOI: 10.1016/j.erss.2026.104668 EDN: LCFGFX
37. Smit D. J., Powell J. B. Role of International Oil Companies in the Net-Zero Emission Energy Transition // Annual Review of Chemical and Biomolecular Engineering. 2023. Vol. 14. P. 301-322. DOI: 10.1146/annurev-chembioeng-092220-030446 EDN: WSLNXX
38. Thomas T. Dynamic recalibration: strategic responses of international oil companies to climate change and the energy transition: PhD thesis. University of Warwick, 2025.
39. Asmelash E., Gorini R. International oil companies and the energy transition. Abu Dhabi: International Renewable Energy Agency, 2021.

40. Columbia University Center on Global Energy Policy. *The Role of Oil and Gas in the Energy Transition*. New York: Columbia University, 2020.

Информация об авторах:

Тахтамышев Владимир Григорьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и истории Отечества, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный университет путей сообщения», e-mail: tahtamyshev2012@yandex.ru

Томазов Михаил Александрович, студент 4 курса факультета мировой политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, E-mail: ksto@yandex.ru

Vladimir G. Takhtamyshev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and History of the Fatherland, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Rostov State Transport University".

Mikhail A. Tomazov, a 4th-year student at the Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 06.08.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.